

КОМАНДА

военно-театральная комедия

*С любовью и нежностью посвящаю всем тем,
с кем мне удалось послужить в армии.*

Служба в армии в мирное время достаточно тосклива и однообразна. Бежит она, как вода через сито, задерживая в памяти лишь что-то забавное, чаще всего смешное. Юмор и тоска — вот две враждующие силы, оставляющие после себя на поле брани уцелевшие эпизоды из жизни российского дембеля.

Июнь

Ролан Фомкин, или просто Ролик, так и не сумел отвертеться от службы в армии. В двадцать три года, уже поработав ведущим артистом московского театра, искупавшись в лучах успеха и некоторого признания его молодого таланта, был вынужден переквалифицироваться в рядового солдата. А что поделаешь, «почётный долг» платежом красен. Ролан не любил жить в долг и понял, что пора вернуть его Родине. Тем более Родина настойчиво об этом просила, забрасывая почтовый ящик повестками в армию и выставляя военные патрули в метро и на улицах города для поимки Ролана и таких, как он.

Ранним утром третьего июня у Первомайского военкомата шумело и бурлило многокрасочное собрание. В основном это были восторженно-опьянённые молодые люди. Или просто опьянённые люди — красны молодцы. Среди них можно было увидеть экзальтированных гармонистов, разрывающих в клочья всеми любимую «Катюшу». Тут же стояли заплаканные матери, невнятно подпевающие этим гармонистам. Виднелись смазливые лица девушек, представляющие всё разнообразие современной косметики. Наверное, этот боевой раскрас был нужен, чтоб их лучше запомнили. Или они говорили этим: «Теперь мы не просто девушки, а ваши боевые подруги». И разумеется, главными героями собрания были бесшабашные призывники, с упоением целующие яркие девичьи лица. Ненадолго они отрывались от сладкого занятия для того, чтобы хлебнуть баночного пива и вырвать из груди шемящую лексическую единицу:

— Смотри, киса, чтоб ни с кем не трахалась! Моя фамилия Тайсон, приеду — ухо откушу!

И снова продолжали целовать эти губы, глаза и ушки, внимательно лоящие каждую нежную глаголицу своего парня. Отбывающие сели в автобус. Это был странного вида аппарат для наземного передвижения, напоминающий сгорбленную пухлую бабулю, курящую дымную трубку. Провожающие, особенно родители, повинувшись какому-то неведомому порыву, облепили автобус с призывниками со всех сторон и стали его раскачивать, как колыбель с младенцами. Они кричали и всхлипывали, словно пели последнюю песню своему дитяте, отлучённому неведомой силой от материнской груди и отцовских напутствий. Теперь в этом колдовском, шаманском ритуале укачивания их дитятко превращалось из мальчишка в настоящего мужчину. Ну, вот уже в окне показался ошалевший от качки и баночного пива призывник:

— Всё, давайте. Как говорится, слов нет, одни слюни. Не скучайте, родные!